

Загоскин Михаил Николаевич

**Юрий Милославский или Русские
в 1612 году. Исторический роман**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Николаевич З.**
Юрий Милославский или Русские в 1612 году. Исторический роман / Загоскин Михаил
Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 326 с.

ISBN 978-5-519-85459-7

ISBN 978-5-519-85459-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

однообразнаго свиста бури, съ примѣтнымъ безпокойствомъ озирался на всѣ стороны.—Полегче, бояринъ,—сказалъ онъ, наконецъ, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ:—твоей конь шагнеть, а мой Сѣрко чуть ноги волочить.

Передній всадникъ пріостановилъ свою лошадь; а готъ, который началъ говорить, поровнявшись съ нимъ, продолжалъ:

— Прогнѣвали мы Господа Бога, Юрій Дмитричъ! Не дастъ намъ весны. Да и впору мы выѣхали! Я говорилъ тебѣ, что будетъ погода. Вчера мы проѣхали верстъ шестьдесятъ, такъ могли-бъ сегодня отдохнуть. Вотъ ужъ седьмой день, какъ мы изъ Москвы, а скоро ли доѣдемъ—Богъ вѣсть!

— Не кручинься, Алексѣй, — отвѣчалъ другой путешественникъ, —завтра мы отдохнемъ вдоволь.

— Такъ завтра мы доѣдемъ туда, куда послалъ тебя панъ Гонсеѣвскій?

— Я думаю.

— Дай-то Богъ!... Ну, ну, Сѣрко, ступай!... А что, бояринъ, назадъ въ Москву мы вернемся, или нѣтъ!

— Да, и очень скоро.

— Не прогнѣвайся, государь, а позволь слово молвить: не лучше ли намъ переждать, какъ тамъ все уюмонится. Теперь въ Москвѣ житье худое: поляки буянятъ, православные ронцуютъ, того и гляди пойдетъ рѣзня... Постой-ка, бояринъ, постой! Сѣрко мой что-то храпитъ, да и твоя лошадь упирается, ужъ не оврагъ ли!...

Оба путешественника остановились. Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, ступилъ нѣсколько шаговъ впередъ и вдругъ остановился, какъ вкопанный.

— Ну, что?—спросилъ другой путешественникъ.

— Охъ, худо, бояринъ! Мы ѣдемъ цѣликомъ, а вотъ, кажется, и оврагъ... Ахъ, батюшки-свѣты, какая круть! Какъ Богъ помиловалъ!

— Такъ мы заплутались?

— Вотъ то-то и бѣда! Ну, Юрій Дмитричъ, что памѣ теперь дѣлать?

— Искать дороги.

— Да какъ ее сыщешь, бояринъ? Смотри, какая мятель: свѣту Божьяго не видно!

Въ самомъ дѣлѣ вьюга усилилась до такой степени, что въ двухъ шагахъ невозможно было различить предметовъ. Снѣжная равнина, взрываемая порывистымъ вѣтромъ, походила на бурное море; холодъ ежеминутно увеличивался, а вѣтеръ превратился въ совершенный вихрь. Цѣлыя облака пушистаго снѣга крутились въ воздухѣ, и не только ослѣпляли путешественниковъ, но даже мѣшали имъ дышать свободно. Ведя за собою лошадей, которыя на каждомъ шагѣ оступались и вязнули въ глубокихъ сугробахъ, они прошли версты двѣ, не отыскавъ дороги.

— Я не могу идти далѣе,—сказалъ, наконецъ, тотъ изъ путешественниковъ, который, повидимому, былъ господиномъ. Онъ бросилъ поводъ своей лошади и въ совершенномъ изнеможеніи упалъ на землю.

— Ужъ не прозябъ ли ты, бояринъ?—спросилъ другой испуганнымъ голосомъ.

— Да. Я чувствую, кровь застываетъ въ моихъ жилахъ. Послушай... если я не смогу идти далѣе, то покинь меня здѣсь на волю Божию и думай только о себѣ.

— Что ты, что ты, бояринъ! Богъ съ тобою!

— Да, мой добрый Алексѣй, если мнѣ суждено умереть безъ исповѣди, то да будетъ Его святая воля! Ты усталъ менѣе моего и можешь спасти себя. Когда я совсѣмъ выбьюсь изъ силъ, оставь меня одного, и если Господь поможетъ тебѣ найти пріютъ, то ступай завтра въ отчину боярина Кручины Шалонскаго, — она не далеко отсюда,—отдай ему...

— Какъ, Юрій Дмитричъ! чтобъ я, твой вѣрный слуга, тебя покинулъ? Да на то ли я вскормленъ отцомъ

и матерью? Нѣтъ, родимый, если ты не можешь идти, такъ и я не тронусь съ мѣста!

— Алексѣй! ты долженъ исполнить послѣднюю мою волю.

— Нѣтъ, бояринъ, и не говори объ этомъ. Умирать, такъ умирать обоимъ. Но что это?.... Не слышалось ли мнѣ?

Алексѣй снялъ шапку, наклонилъ голову и сталъ прислушиваться съ большимъ вниманіемъ. — Хотя-бъ на часокъ затихъ этотъ окаланный вѣтеръ! — вскричалъ онъ съ истерпѣніемъ. — Мнѣ показалось, что налѣво отъ насъ... Чу, слышишь, Юрій Дмитричъ?

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказалъ Юрій, приподнимаясь на ноги, — кажется, тамъ ласть собака.

— И мнѣ тоже сдается. Дай-то, Господи! Завтра же отслужу молебень святому угоднику Алексѣю... поставлю фунтовую свѣчу... пойду пѣшкомъ поклониться Печерскимъ чудотворцамъ... Чу, опять! Слышишь?

— Точно, ты не ошибаешься.

— А гдѣ ласть собака, — тамъ и жильё. Ободришь, бояринъ; Господь не совѣмъ насъ покинуть.

Кого среди ночного мрака заставляла мятежь въ открытомъ полѣ, кто испыталъ на самомъ собѣ весь ужасъ бурной зимней ночи, тотъ пойметъ восторгъ нашихъ путешественниковъ, когда они удостовѣрились, что точно слышатъ лай собаки. Надежда вѣрнаго избавленія оживила сердца ихъ; забывъ всю усталость, они пустились немедленно впередъ. Съ каждымъ шагомъ прибавлялась ихъ надежда, лай становился частъ-отъ-часу внятнѣе, и хотя буря не уменьшалась, по они не боялись уже сбиться съ своего пути.

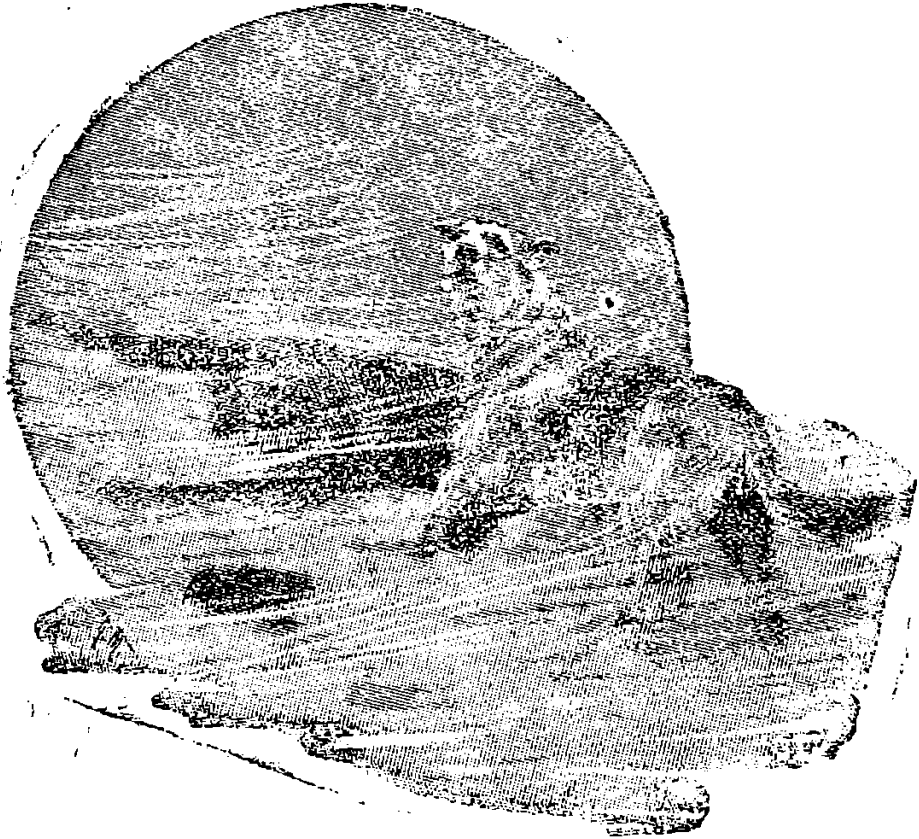
— Кажется, не далеко отсюда, — сказалъ Юрій: — и слышу очень ясно!...

— И я слышу, бояринъ, — отвѣчалъ Алексѣй, пріостановясь на минуту, — да только этотъ лай мнѣ вовсе не по сердцу.

— А что такое?

— Ничего, ничего; дай-то Богъ, чтобъ было тутъ жильё!

Они прошли еще нѣсколько шаговъ; вдругъ черная большая собака съ громкимъ лаемъ бросилась навстрѣчу къ Алексѣю, начала къ нему ласкаться, вертѣть хвостомъ, визжать, и потомъ съ воемъ побѣжала назадъ. Алексѣй пошелъ за нею: но едва онъ ступилъ нѣсколько

шаговъ, какъ вдругъ вскричалъ съ ужасомъ:—Съ нами крестная сила! Ну, такъ... сердце мое чуяло... посмотри-ка, бояринъ.

Человѣкъ въ сѣромъ армякѣ, подпоясанный пестрымъ кушакомъ, изъ-за котораго виднѣлась рукоятка широ-

каго турецкаго кинжала, лежалъ на снѣгу; длинная винтовка въ сукошномъ чехлѣ висѣла у него за спиною, а съ правой стороны къ поясу привязана была толстая казацкая плеть; татарская шапка, съ густымъ околышемъ, лежала подлѣ его головы. Собака остановилась подлѣ него и, глядя пристально на нашихъ путешественниковъ, начала выть жалобнымъ голосомъ.

— Ахъ, Боже мой!—сказалъ Юрій: — несчастный, онъ замерзъ! — Забывъ собственную опасность, Юрій наклонился заботливо надъ прохожимъ и старался привести его въ чувство...

Этотъ плачевный видъ — предвѣстникъ собственной ихъ участи, усталость, а болѣе всего обманутая надежда, — все это вмѣстѣ такъ сильно подѣйствовало на бѣднаго Алексѣя, что вся бодрость его исчезла. Предавшись совершенному отчаянію, онъ началъ называть по именамъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ своихъ. — Простите, добрые люди! — вопилъ онъ; — прости, моя Маринушка! Не въ добрый часъ мы выѣхали изъ дому: пропали наши головы!

— Полно ревѣть, Алексѣй, — сказалъ Юрій, — поди сюда... Этотъ бѣднякъ еще живъ, онъ спитъ, и если намъ удастся разбудить его...

— Эхъ, родной! и мы скоро заснемъ, чтобъ вѣкъ не просыпаться.

— Не грѣши, Алексѣй, Богъ милостивъ! Посмотри хорошенько: развѣ ты не видишь, что здѣсь снѣгъ укатанъ и наши лошади не вязнутъ; вѣдь это дорога.

— Дорога? Постой, бояринъ... въ самомъ дѣлѣ... Слава Богу! Ну, Юрій Дмитричъ, сядемъ на коней, мѣшкать нечего.

— А этотъ бѣдный прохожій?

— Дай Богъ ему царство небесное! ужъ видно ему такъ на роду написано. Поѣдемъ, бояринъ.

— Нѣтъ, я попытаюсь спасти его, — сказалъ Юрій, стараясь привести въ чувство полузамерзшаго незна-

комца. Минуты двѣ прошло въ безплодныхъ стараніяхъ; наконецъ, прохожій очнулся, приподнялъ голову и сказалъ нѣсколько невнятныхъ словъ. Юрій, при помощи Алексѣя, поставилъ его на ноги, но онъ не могъ на нихъ держаться.

— Ну, видишь, Юрій Дмитричъ, — сказалъ Алексѣй, — намъ съ нимъ дѣлать нечего! поѣдемъ. Изъ первой деревни мы вышлемъ за нимъ сани.

— А пока мы доѣдемъ до жилья, онъ успеетъ совсѣмъ замерзнуть.

— Что-жъ дѣлать, бояринъ: своя рубашка къ тѣлу ближе!

— Алексѣй, побойся Бога! Развѣ ты не крещеный?

— Да послушай, Юрій Дмитричъ: за тебя я готовъ въ огонь и воду — ты мой бояринъ, а умирать за всякаго прохожаго не хочу; дѣло другое отслужить по немъ панихиду, пожалуй!...

— Молчи... и пособи мнѣ посадить его на твою лошадь.

Алексѣй замолчалъ и принялся помогать своему господину. Они не безъ труда подвели прохожаго къ лошади; онъ переступалъ машинально и, казалось, не слышалъ и не видѣлъ ничего; но когда надобно было садиться на коня, то вдругъ оживился и, какъ будто-бы по какому-то инстинкту, вскочилъ безъ ихъ помощи на сѣдло, взялъ въ руки поводъ, и неподвижные глаза его всыхнули жизнью, а на безчувственномъ лицѣ изобразилась живая радость. Черная собака, съ громкимъ лаемъ, побѣжала впередъ.

— Посмотри, бояринъ, — сказалъ Алексѣй: — онъ чуть живъ, а какимъ молодцомъ сидитъ на конѣ; видно, что ѣздокъ!... Ого, да онъ началъ пошевеливаться! Тише, братъ, тише! Мой сѣрко и такъ усталъ. Однакожъ, Юрій Дмитричъ, или мы поразогрѣлись, или погода становится теплѣе.

— И мнѣ тоже кажется.

— Какъ бы снѣгъ не такъ валилъ, то намъ бы и

думать нечего. Эй ты, мерзлый! Полно, братъ, гарцовать, сиди смирнѣе! Ну, теперь отлегло отъ сердца; а давеча пришлось-было такъ жутко, хоть тутъ же ложись, да умрай... Ахти, постой-ка: никакъ дорога пошла направо. Мы опять ѣдемъ цѣликомъ.

Тутъ налѣво отъ нихъ послышался лай собаки; незнакомый поворотилъ въ ту сторону.

— Куда ты, землякъ? Постой!—вскричалъ Алексѣй, схвативъ за поводъ лошади;— или хочешь опять замерзнуть? Но незнакомый махнулъ плетью и, протаскивъ нѣсколько шаговъ за собою Алексѣя, выѣхалъ на большую дорогу.

— Видишь ли,—прошепталъ онъ едва внятнымъ голосомъ,— что моя собака лучше твоего знаетъ дорогу?

— Эге, да ты сталъ поговаривать! Ну что, братъ, ожилъ?

Незнакомый не отвѣчалъ ничего и, продолжая ѣхать молча, старался безпрестаннымъ движеніемъ разогрѣть свои оледенѣвшіе члены; онъ приподнимался на стремянахъ, гнулъ на ту и другую сторону, махалъ плетью и, спустя нѣсколько минутъ, запѣлъ потихоньку, но довольно твердымъ голосомъ:

Гой ты море, море спиео!
Ты разгулье молодецкое!
Ты прости, моя любимая,
Красна дѣвица-душа!
Не трепать рукою ласковой
Щеки алія твои,
А трепать ли молодцу
Мнѣ широкимъ весломъ
Волгу-матушку...

— Ого, товарищъ!—сказалъ Алексѣй,—да ты никакъ совсѣмъ оттаялъ—пѣсенки попѣваешь!

— Да, добрые люди, спасибо вамъ! долго бы мнѣ спать, если бы вы меня не разбудили.

— Откуда ты?—спросилъ Юрій,—и куда пробираешься?

— Изъ-подъ Москвы; а куда иду, и самъ еще пу-

темъ не знаю. Верстахъ въ пяти отсюда, неизмѣнный мой товарищъ, добрый конь, выбился изъ силъ и палъ; я хотѣлъ кой-какъ добрести до первой деревни...

— А кто ты таковъ?

— Кто я? Какъ бы вамъ сказать... Зовутъ меня Киршею; родомъ я изъ Царицына; служилъ казакомъ въ Батуринѣ, а теперь запорожець.

— Запорожець! — вскричалъ Алексѣй, отскочивъ въ сторону.

— Да, — продолжалъ спокойно прохожій. — Я приписанъ въ Запорожской Сѣчи къ Незамановскому куреню и, безъ хвастовства скажу, не изъ послѣднихъ казаковъ. Мой родной братъ — куренной атаманъ, а дядя былъ кошевымъ.

— Помилуй Господи! — сказалъ Алексѣй. — Запорожскій казакъ и, вѣрно, разбойникъ!

— Нѣтъ, товарищъ, напрасно. Въ удалствѣ я отъ другихъ не отставалъ, а гайдамакомъ никогда не былъ.

— Какъ же ты попалъ въ здѣшнюю сторону? — спросилъ съ любопытствомъ Юрій.

— А вотъ какъ: я года два шатаюсь по бѣлу свѣту, и тамъ и сямъ; да что-то въ руку нейдетъ. До меня дошелъ слухъ, что въ Нижнемъ-Новгородѣ набираютъ втихомолку войско; такъ я хотѣлъ испытать счастья и пристать къ здѣшнимъ.

— Противъ кого?

— А мнѣ что за дѣло? Про то панство знаетъ, была бы только пожива; вѣдь стыдно будетъ вернуться въ мой курень съ пустыми руками. Другіе выставятъ на улицу чаны съ виномъ и станутъ потчевать всѣхъ прохожихъ, а мнѣ и кошовому нечего будетъ поднести.

— Зачѣмъ же ты пристаешь къ войску гетмана Жолѣвскаго?

— Спроси лучше, зачѣмъ отсталъ?

— Такъ ты бѣглый?

— Кто? я бѣглый? — сказалъ прохожій, пріостановя

звою лошадей. Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ такимъ голосомъ, что Алексѣй невольно схватился за рукоятку своего охотничьяго ножа. — Добро, добро, такъ и быть. — продолжалъ онъ, — мнѣ грѣшно на тебя сердиться. Бѣлый! Иѣтъ, господинъ честной, запорожцы люди вольны и служатъ тому, кому хотятъ.

— Но развѣ вы не должны служить королю Сигизмунду?

— Должны! такъ говорятъ и старшіе, только врядъ ли когда запорожскій казакъ будетъ братомъ поляку. Почему сказать, и мы кутили порядкомъ въ Черниговѣ все Божье, да наше! Но жгли ли мы храмы Господни, ругались ли вѣрою православною? А эти окаянные ляхи для забавы стрѣляютъ въ святыхъ иконы! Какъ Богъ еще гершитъ!

— Но все эти безпорядки скоро прекратятся: московскіе жители добровольно избрали на царство сына короля польскаго.

— Добровольно! Хороша воля, когда надъ тобой стоять съ дубиною... нехотя закричишь: давай намъ королевича Владислава! Иѣтъ, господинъ честной, не называть надъ Москвою этому инновѣрцу. Дай только русскимъ опериться!

— Но, кажется, дѣло кончено, и когда вся Москва присягнула польскому королевичу...

— Мало ли что кажется! Вотъ и мнѣ нѣсколько разъ казалось, что тамъ направо свѣтитъ огонекъ, а теперь ничего не вижу.

— Огонь! Гдѣ ты видишь? — вскричалъ Алексѣй.

— А вонъ, посмотри: опять показался: видишь-га! какъ свѣчка тлеетъ?

Путешественники остановились. Направо, съ полверсты отъ дороги, мелькалъ огонекъ; они повернули в ту сторону, и черезъ нѣсколько минутъ, Алексѣй, который шелъ впереди съ собакою, закричалъ радостнымъ голосомъ:

— Сюда, Юрій Дмитричъ, сюда! Вотъ и плетень! Тише, бояринъ, тише! околица должна быть лѣвѣе—здѣсь. Ну, слава тебѣ, Господи! — продолжалъ онъ, отворяя ворота, — доѣхали!... и вовремя: слышишь ли, какъ опять завылъ вѣтеръ? Да пусть теперь бунуетъ, какъ хочетъ; намъ и горюшки мало, въ избѣ не озябемъ.

— А развѣ мы одни теперь въ дорогѣ? — сказалъ Юрій, глядя съ безпокойствомъ на ужасный вихрь, который снова свирѣпствовалъ въ полѣ.

— Кому быть убитому, тотъ не замерзнетъ, — прошепталъ Кириша, въѣзжая въ околицу.

II.

Деревушка, въ которую въѣхали наши путешественники, находилась въ близкомъ разстояніи отъ зимней дороги, на небольшомъ возвышеніи, которое во время разлива не понималось водою. Нѣсколько дымныхъ лапчужекъ, разбросанныхъ по скату холма, окружали избу, менѣе другихъ походящую на хижину. Красное окно, въ которомъ, вмѣсто стеколъ, вставлена была напитаанная масломъ полупрозрачная холстина, обширный крытый дворъ, а болѣе всего звуки различныхъ голосовъ и громкій гулъ довольно шумной бесѣды, въ то время, какъ во всѣхъ другихъ хижинахъ царствовала глубокая тишина, — все доказывало, что это постоянный дворъ, и что не одни наши путешественники искали въ немъ пріюта отъ непогоды.

Домашній простонародный бытъ тогдашняго времени почти ничѣмъ не отличался отъ нынѣшняго; внутреннее устройство крестьянской избы было то же самое: та же огромная печь, тѣ же палаты, большой столъ, лавки и передній уголъ, украшенный иконами святыхъ угольниковъ. Въ теченіе двухъ столѣтій измѣнились только нѣкоторыя мелкія подробности: въ наше время въ хорошей бѣлой избѣ обыкновенно кладется печь съ трубою, а